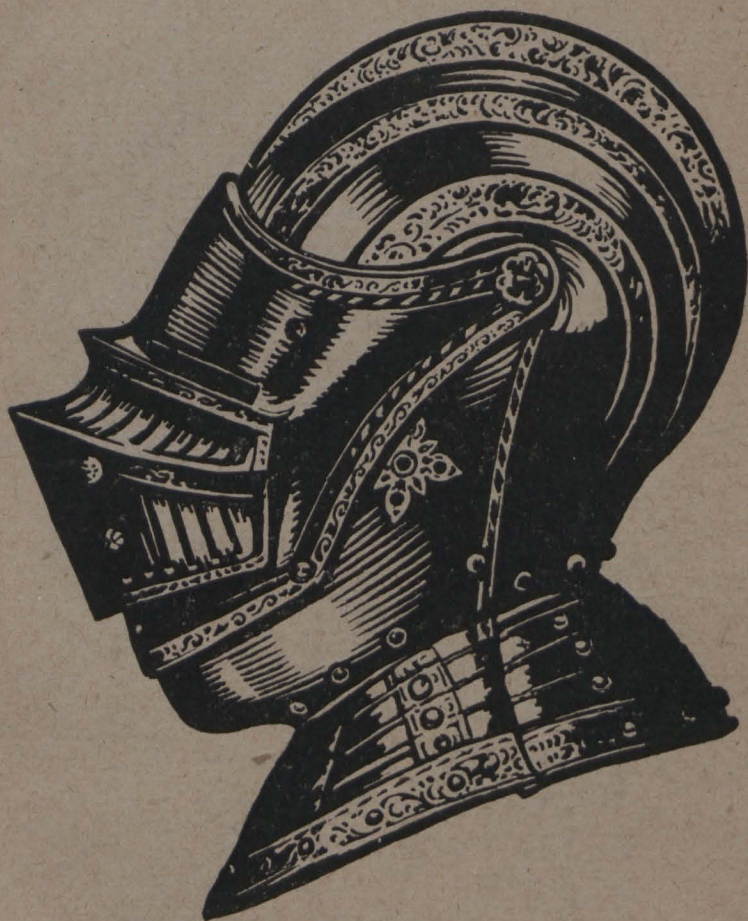


ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ



ЗАЛ ДОСПЕХОВ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

---

# ЗАЛ ДОСПЕХОВ

ОЧЕРК  
А. А. АВТОНОМОВА

ЛЕНИНГРАД

1924

147.15a2 / Er52

Печатано по определению Совета Государственного Эрмитажа.  
Ученый Секретарь А. Макаров.

Российская Государственная Академическая Типография.  
Ленинградский Гублит 6867. — 1000 экз.

NOV 13 1926

recd S.M. 9/29/36



Рисунки исполнены Г. С. Верейским.

Открытое для обозрения собрание европейского оружия и доспехов охватывает период времени с конца XV века до XVIII века. Особенно богато, можно сказать с исчерпывающей полнотой, представлен XVI век, в котором оборонительный доспех достиг своего наибольшего развития и должен был, наконец, склониться перед всеокрушающей силой огнестрельного оружия. Все разнообразие форм этого периода представлено на выставке, частью — первокласными образцами, творениями знаменитых мастеров Нюрнберга, Аугсбурга и Милана.

Выставленное оружие в главной своей массе представляет основную коллекцию оружия Государственного Эрмитажа, дополненную в некоторых отделах предметами, поступившими за время Революции.

Выставка расположена в одном из исторических зал Зимнего Дворца, носившем название Георгиевского или Тронного зала.

---



1. Парадный бургиныйот XVI века.

Наши сведения о составе европейского вооружения до X века недостаточно полны и базируются на не всегда точно исполненных изображениях — на миниатюрах рукописей, но начиная с конца X века можно уже вполне точно проследить развитие доспеха и наступательного оружия.

Одним из первых по значению в этом смысле документов нужно признать известную пелену Байе, вышитую, согласно преданию, королевой Матильдой, женою Вильгельма Завоевателя, во второй половине XI века и изображающую эпизоды из битвы Вильгельма с саксами. Костюмы и вооружение в целом ряде изображений вырисованы с особым тщанием и точность рисунка подтверждается вещественными памятниками.

Согласно всем дошедшим памятникам, наступательным оружием этой эпохи были — копьё, украшенное флажком с двумя и более концами, и меч, прямой, длинный, слегка скошенный к остроконечному концу; небольшая прямая поперечина, цилиндрический черен и дискообразный набалдашник составляли рукоятку меча. Большим значением также пользовалось метательное оружие — лук и стрелы, причем лук

бы самой простой конструкции. К палицам разного рода прибегали в момент, когда копы были сломаны и противники вступали в тесное единоборство.

Оборонительный доспех состоял из длинной кожанной рубашки, на которую наклепывались железные чешуйки или кольца или даже просто полосы железа; рубашка эта, свободно висевшая на воине, снабжена была короткими, широкими рукавами, не мешавшими рукам действовать. В некоторых случаях наряд этот дополнялся того же изделия короткими, до колен, штанами. Голова защищалась капюшоном из того же материала, на который надевался конический шлем с широкой носовой стрелкой и небольшим прикрытием затылка.

Как видно из описания этого наряда, он, хотя и не отличался гибкостью и красотой формы, однако хорошо защищал тело и голову от тяжелых рубящих ударов; если же присоединить к этому длинный мидалевидный закрывающий всю фигуру щит, сбитый из крепких досок и оклеенный плотной кожей с металлическими оковками, то можно сказать, что защищенный таким образом воин был почти неуязвим для современного ему наступательного оружия. Считаем нелишним указать на любопытное совпадение названия этого доспеха в европейских языках — слово броня звучит почти одинаково в языках германском, романском и англо-саксонском, что указывает с несомненностью на одно общее происхождение этого доспеха. С полной вероятностью можно признать броню продуктом творчества северных народов, известных под общим наименованием норманов, которые благодаря своим смелым морским набегам на все почти берега европейского материка распространили и самое вооружение, и его название.

В описанном нами виде с незначительными изменениями броня дошла до XII века, в котором мощное движение, охватившее почти всю цивилизованную Европу и известное под названием Крестовых походов, внесло крупные изменения в состав и систему вооружения.

Если броня в ее первоначальном виде была вполне подхо-



дящей защитой для северного воина, то в более жарких странах такое плотное и тяжелое вооружение не могло не оказаться более чем неудобным.

Целые массы лучших представителей тогдашней военной силы были брошены на Восток, на борьбу с неверными, захватившими Иерусалим. Явившееся в Палестину воинство, вооруженное тяжелой броней и тяжелыми мечами столкнулось с врагом, одетым в сравнительно легкие гибкие кольчуги, сидевшим на легких увертливых конях и способным к быстрым, неожиданным ударам. Задохавшееся под своим тяжким вооружением рыцарство не могло не оценить всех преимуществ восточного вооружения. Хотя с несомненностью можно утверждать, что знакомство европейцев с кольчужным плетением восходило ко временам, предшествовавшим Крестовым походам, ибо на это указывают многие дошедшие до нас письменные памятники, однако подражание восточным образцам, завезенным в Европу теми же смелыми мореходами-норманами, в руках неумелых европейских оружейников создавало образцы мало чем отличавшиеся по своей громоздкости от более дешевых и общепризнанных броней. Столкнувшись же с восточной кольчугой, легкой и гибкой, получив большое количество этого вооружения в качестве военной добычи, европейское воинство стало оставлять свою первоначальную броню и переходить на кольчужное вооружение. В то же время, тесно соприкасаясь с восточными оружейниками, европейские их собратья научились сами изготавливать совершенное кольчужное плетение, и начиная с конца XII века мы вместо кожанной брони повсеместно встречаем кольчужный доспех.

Разница темпераментов северного и южного воина, а также и тактика боя (более тяжелого и упорного у северных народов) привела и в деле выработки кольчуги к значительным отступлениям от восточного первообраза. Европейский воин требовал кольчугу более массивную и покрывающую его полностью с головы до ног, так как развитие пехотного оружия в виде алебард, глеф, рунок и пр. делало действительно не-

обходимой защиту нижней части туловища от острых криков и изгибов названного оружия. К середине XII в. мы уже находим рыцарство сплошь одетым в кольчужное плетение, поверх которого носится полотняная туника, предохраняющая кольчугу от порчи, а также нагревания лучами солнца. Наряду с этим изменяется и все наступательное оружие.

Если броня X в. давала лучшую защиту от колющих ударов и для поражения противника требовалось разрубить обшитую железом толстую рубашку, то при кольчужном плетении рубящий удар уже не играл такой решающей роли, встречая вместо наклепанных щитков сплошную, скользящую и висевшую складками металлическую поверхность. Наоборот, колющий удар, раздвигавший и пронзавший сравнительно тонкие колечки кольчуги приобретает отныне все большее и большее значение. Вследствие этого меч, бывший до сих пор исключительно рубящим оружием, приобретает формы, удобные для укола — лезвие сводится более острым концом, способным пронзить колечки кольчуги, а вся полоса усиливается вышуклым ребром, идущим посредине от рукояти до острия.

Так как бой при этих условиях приобретает новый характер, то соответственно приспособляется и все остальное вооружение. Так, например, так как большой, закрывающий все тело щит является помехой для действия концом меча, к тому же сплошное металлическое прикрытие тела в достаточной мере защищает бойца от ударов, то и щит, уменьшаясь в размере, приобретает характер вспомогательной защиты от удара копьём и пронизывания мечом. Одновременно с этим, меч путем удлинения ветвей креста получает способность отвода прямого удара от линии тела, тем самым открывая первый путь к искусству фехтования, получающему к XIV в. полное развитие. Защита головы и лица с помощью конического шлема с носовой стрелой уже не дает гарантии безопасности при колющем ударе, и вот постепенно вся голова воина заключается в сплошной кадкообразный шлем, опирающийся своими нижними краями на плечи рыцаря.

Таким образом, когда вся фигура воина получила прикрытие от укола и удара, казалось бы, идеал был достигнут, но с новым вооружением являются и новые неудобства.

Во первых — плетение кольчуги, состоявшей из рядов мелких колечек легко подвергалось ржавчине, разрушавшей прочность плетения, чистка же кольчуги являлась делом довольно сложным и трудным. Рассеченная и пронизанная кольчуга требовала сложной и дорогой починки, а если мощный удар и не разрубал ее, то во всяком случае причинял очень сильное сотрясение и грозил переломом кости и другими увечьями. Кадкообразный шлем, закрывавший всю голову, давал слишком мало воздуха для дыхания в разгар горячей схватки, способ же прикрепления его на голове открывал возможность ловким ударом перевернуть его глухой стороной к глазам и тем лишить носителя возможности обороняться. К тому же, закрывая все лицо, такой шлем не давал возможности в пылу боя сразу отличить друга от врага.

Необходимо было предпринять что либо для предотвращения этих неудобств. Как уже говорилось выше, для предохранения кольчуги от порчи поверх нее надевалась туника. Ею же теперь стали пользоваться для различения между собой воинов. Тунику стали раскрашивать, соблюдая сочетание цветов, принятое тем или другим рыцарем, и украшать ее гербом, который с этого времени начинает входить во всеобщее употребление среди рыцарства. Знание гербов стало считаться необходимой наукой для каждого уважающего себя дворянина. С той же целью распознавания врагов соответствующие эмблемы стали изображаться на щитах, а верхушка шлема стала украшаться особыми нашлемниками.

Для предохранения тела от сильных ударов, наиболее поражаемые места — плечи, локти, колени, голени, а затем и сама грудь, стали усиливаться особыми плотными пластинами, сначала из специально приготовленной кожи, а затем и просто металлическими. Тулья шлема снова делается конической, но лицо закрывается уже не носовой стрелкой, а особым откид-

ным забралом, снабженным целым рядом дырочек для дыхания и прорезами для глаз.

Подвергаясь многочисленным изменениям в деталях, сводившимся к более совершенному прикрытию тела, усиленная кольчуга продержалась до XIV в., когда, перестав быть основным материалом, кольчужное плетение стало играть подсобную роль, в то время как усиливавшие ее пластины стали собираться воедино, из чего к середине XV в. образовалось первое совершенное по формам и по значению для защиты сплошное пластинчатое прикрыtie в виде так называемого готического доспеха.

Соответственно изменению способа защиты изменилось и наступательное оружие. Потребность проколоть соединявшие пластины кольчужное плетение привела к мечу, получившему характер по преимуществу колющего оружия, но необходимость подчас нанести могучий рубящий удар заставила утяжелить полосу меча, рукоять же его делается настолько длинной, что позволяет приложить для удара и левую руку и тем придать удару больший вес. Наряду с этим в употреблении входят кинжалы, представляющие массивные короткие колющие клинки. Назначением их было добивать поверженного врага, пронизывая его кольчугу между несовершенными пригнанными пластинами.

У пехотинцев, вооруженных на подобие рыцарской конницы, но более легким образом, появляется весьма разнообразное оружие на длинных древках, дававшее возможность раздроблять доспехи рыцарей, прокалывать их кольчугу и стаскивать на землю всадников.

Если до XIV в. конница играла решающую роль в сражении и считалась не имеющей себе равного соперника, то с этого времени, после блестящих побед швейцарских пехотинцев над цветом австрийского рыцарства при Моргартене и Земпахе (1315, 1386 гг.), а также фламандской милиции при Куртрэ (1302 г.) — пехота начинает приобретать все большее и большее значение и на ее лучшее вооружение начи-

нают обращать особое внимание. Если до XIV в. пехота представляла собою вспомогательные при коннице отряды, плохо вооруженные и предназначенные для добывания разбитого противника и для занятия гарнизонов, то теперь мы находим специальные полки лучников, арбалетчиков, пикинеров, алебардистов и пр., скованных дисциплиной и обученных владеть своим оружием. Конница еще пользуется привилегией отборного войска, на нее возлагается первый и могучий натиск на врага, но если он не удался, то в дело вступает пехота со своими плотными рядами, оцетинившимися длинными пиками и алебардами, начиная ожесточенную схватку и решая в конце концов участь битвы. В виду этого, говоря о доспехах, мы должны будем отдельно останавливаться на доспехах конного рыцаря и пехотинца и на их наступательном оружии.

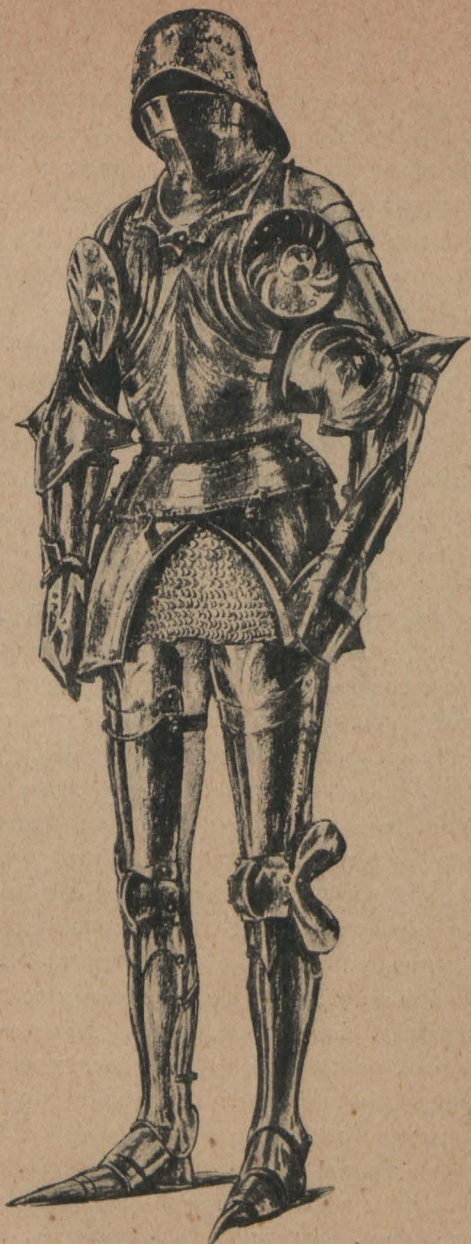
Как уже было сказано, к середине XV в. доспех конного воина получает характер сплошного пластинчатого прикрытия. Грудь и спина заключаются в кирасу, затягиваемую поясным ремнем или застегиваемую на боковые крючки. Руки от плеча до кисти заключены в трубки, соединенные между собой локтевой раковиной, защищающей локтевой сгиб. На руки надеваются металлические рукавицы, наклепанные на кожаный подбой. Верх живота и ног защищается добавочными пластинками, прикрепляемыми к кирасе. Ноги, подобно рукам, заключены в металл, причем до колена пластины охватывают лишь наружную сторону ноги для более удобного управления лошадью, низ же, от колена, в сплошной трубке.

Отличительными особенностями готического доспеха (рис. 2) являются две части его — кираса и шлем. Первая, плоская, плотно облегающая корпус, состоит из двух частей, причем нижняя часть острым мысом набегает на верхнюю. Так как пластины эти или наклепаны были на ремни, или же удерживались при помощи особых подвижных заклепок, то такое расположение частей доспеха придавало ему большую подвижность. Спина также состояла из нескольких частей, вза-

имно подвижных. Шлем, появляющийся на готическом доспехе, имеет совершенно своеобразный характер, отличный от прежних типов. Забота оружейников создать удобный, легкий и непроницаемый шлем привела в XV в. к созданию формы «салада». Салад представляет собою как бы опрокинутую чашу с несколько откосыми бортами и удлиненным назатыльником. Будучи надвинут на голову, салат прикрывал всю ее до линии носа, закрывая таким образом и верхнюю часть лица. Для прикрытия же лица до носа снизу, к нагруднику пристегивался особый подбородник. Таким образом получалась сплошная защита головы и лица, а для зрения оставался узкий прощел между нижним краем салада и верхним подбородника. Вне боя салат откидывался более на затылок, открывая тем самым лицо, давая доступ воздуху и не лишая в то же время рыцаря защиты в случае внезапного нападения. Это наголовье с незначительными изменениями, в виде особого откидного забрала, продержалось почти целое столетие, причем долго еще в XVI в. оно употреблялось в Германии при турнирном доспехе.

Так как каждый доспех изготовлялся согласно меркам, снятым с заказчика, то неудивительно что внешняя форма доспеха соответствовала главным очертаниям светского костюма своего времени. Пока в моде были обтянутые камзолы, узкие обтяжные штаны с буфами у живота и длинные загнутые подчас кверху носки обуви à la poulaine, то и доспех естественно стал соответствовать этой моде — плотно по фигуре сидящая кираса, плотно охватывающие поножи с длинными, часто отдельно прикреплявшимися носками.

В таком виде доспех продержался до начала XVI в., когда на смену выступила новая форма вооружения, построенная на иных основаниях. Одни называли этот доспех миланским, по месту его первоначального изготовления, другие, и повидимому с большим основанием, максимилиановским, по имени его распространителя, а может быть и изобретателя — императора германского Максимилиана I (рис. 3).



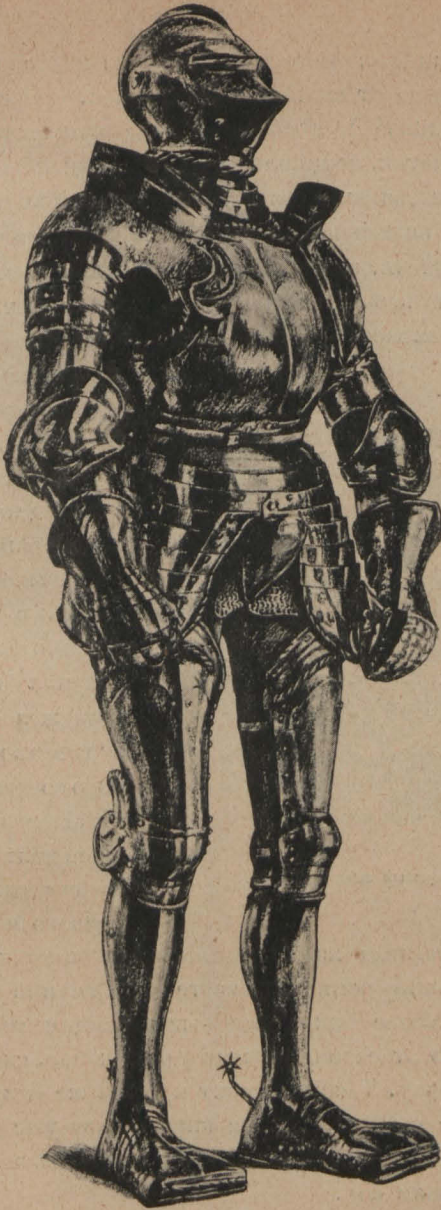
2. Готический доспех конца XV века.

Новая мысль, вложенная в конструкцию этого доспеха, заключалась в большей упругости и сопротивляемости гофрированного металла по сравнению с гладким. Этот принцип позволял изготавливать более тонкие и легкие доспехи, без ущерба для их прочности. Развившаяся к этому времени техника оружейного дела позволила мастеру найти удобную и универсальную форму наголовья, заменившего собой салад. В этом наголовье, называемом просто закрытым шлемом, были удачно соединены в одно стройное целое все части шлема, уже существовавшие, но надевавшиеся каждая в отдельности. К тулье, почти сферической, на шарнирах прикреплялось забрало, закрывавшее все лицо, подбородник же, соединенный петлями с тульей, закрывал весь низ лица и шею. Таким образом, надетый на голову шлем прекрасно предохранял ее всю от любого удара и в тоже время давал достаточно воздуха для дыхания. Кроме того, так как все части были соединены между собой, нельзя было удачным ударом сбить с головы шлем, что могло случиться с саладом. В этом доспехе также сказалось влияние моды. Обтянутые камзолы уступили место пышным, просторным кафтанам, — соответственно с этим грудь доспеха делается выпуклой, бочкообразной, следуя главным линиям костюма и давая одновременно лучшую защиту от удара копьём. Поножи приняли вид так называемых медвежьих лап, в соответствии с модой на туфли с широкими толстыми носками.

К XVI в. доспех получает полное развитие, и первую половину этого века можно считать расцветом полного пластинчатого прикрытия. Считаем не лишним дать здесь перечисление всех частей, из которых состоял доспех ко времени его окончательного исчезновения под влиянием нового могучего фактора — огнестрельного оружия.

Голова была защищена закрытым шлемом (рис. 4) с тульей сферической формы и более или менее высоким гребнем. Шлем слагался из тульи, наличника или забрала, состоящего из одной или нескольких частей, позволявших по желанию от-





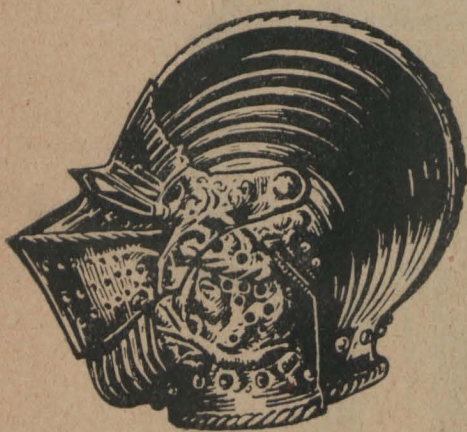
3. Максимилиановский доспех начала XVI века.

крывать ту или другую часть лица, и из подбородника, прикрывавшего лицо от нижней губы до шеи. К шлему присоединялось горловое прикрытие в виде приклепанных к подбороднику пластин, защищавших спереди шею, и назатыльник, соответствовавший сзади горловому прикрытию.

Ожерелье, надевавшееся первым на верхнюю часть спины, груди и на плечи, застегивалось на правом плече. Эта часть доспеха играла весьма важную роль, так как на ней покоилась вся тяжесть кирасы, почему ожерелье выделывалось строго

по мерке и очертанию фигуры заказчика.

С первой четверти XVI века ожерелье стали делать с воротником, по верхнему краю выкованным жгутиком, в то же время нижний край шлема получил соответствующий желобок, что давало возможность плотного соединения шлема с ожерельем. Такой шлем получил название бургундского, по месту первого появления.



4. Закрытый шлем XVI века.

Кираса состояла из нагрудника и наспинника, соединявшихся с помощью ремня или застежек. Верхний край кирасы выковывался более или менее выступающим кантом, целью которого было отведение от тела удара копья, скользнувшего по кирасе кверху. Такой же кант и с той же целью обрамлял подмышковые вырезы. Форма кирасы, как уже указывалось, менялась вместе с модой, а также приспособлялась к изменявшимся условиям боя.

Подмышковые отверстия зачастую защищались кроме под-

детой под кирасу кольчуги, еще и особыми кружочками, свободно висевшими на ремнях, прикрепленных к ожерелью. С правого бока к нагруднику до конца XVI в. приделывался опорный крюк для поддержания тяжелого и длинного копья, которым была вооружена рыцарская конница. К кирасе спереди прикреплялись брюшные пластины, закрывавшие верх живота. Продолжением брюшных пластин были набедренники, а к наспиннику прикреплялось поясное покрытие, игравшее сзади ту же роль, что брюшные пластины спереди.

Оплечья прикреплялись к ожерелью на ремнях или особых штифтах, причем правое всегда делалось меньшего размера для свободного пропуска копья, которое держалось подмышкой. К оплечьям зачастую приделывались особые гребни, защищавшие шею от боковых ударов и не позволявшие снизу захватить воина за шею и стащить его с коня.

Наручи локтевой раковиной делились на две части, представлявшие: верхняя — глухую трубку, а нижняя — трубку из двух половин, застегивавшихся с внутренней стороны.

Кисть руки и пальцы защищались металлическими рукавицами. Во второй четверти XVI в. их стали делать с разделенными пальцами, чтобы дать возможность стрелять из пистолета.

Ноги защищались налядвенниками в виде полутрубки, наколенниками с боковой розеткой, предохранявшей сгиб ноги, и напояжниками, охватывавшими весь низ ноги до щиколотки. Поножи, прикрывавшие ступню, как уже говорено, получали в разные эпохи различную форму под влиянием моды и в соответствии с формой обуви.

Вот главные части доспеха, сформировавшегося к XVI в. Всего отдельных частей в нем насчитывалось до 158 и вес такого доспеха со всеми дополнявшими его частями колебался от 50 фунтов до 2 пудов.

Одновременно с человеком броней покрывался также и боевой конь, судьба которого в бою была тесно связана со всадником, ибо спешенный рыцарь в своих тяжелых доспехах

становился жертвой легковооруженного пехотинца. Доспех коня состоял из наголовника, нахребетника, соединенного с горловой защитой, нагрудника и накрупника, причем обе эти части связывались окованным в железо седлом с высокими передней и задней лукой.

Для понимания дальнейших изменений в типах доспеха необходимо сказать несколько слов о вошедшем в XVI в. во всеобщее употребление грозном враге всякого оборонительного доспеха — огнестрельном оружии.

Не подлежит никакому сомнению, что порох, как состав, был известен человечеству с весьма древних времен. На это указывают многие дошедшие до нас письменные памятники, причем местом изобретения пороха должно признать Восток. Так, в индийских законах, современных Моисею, упоминается об огнестрельном оружии. Филострат указывает на трудность завоевания индийских городов в виду употребления ими огневого боя; китайцы знакомы с пороховым составом, можно сказать, с незапамятных времен. Несмотря на это; установилось мнение, что порох был изобретен Фрейбургским монахом Бертольдом Шварцем в 1320 г. Оставляя в стороне обсуждение вопроса, кем в действительности открыт в Европе порох, можно признать, что Шварц первый применил взрывчатую силу пороха к метанию тяжелых снарядов.

Последствия применения пороха в военном деле были неисчислимы. Он не только в корне изменил всю военную тактику, но и способствовал искоренению феодализма и установлению относительной равноправности между высшими и низшими сословиями. Если до введения огнестрельного оружия монополия военного дела и связанные с ней выгоды находились в руках высшего дворянства, составлявшего цвет войска в виде тяжело вооруженной и дорого стоящей конницы, то с введением пороха всякий вооруженный ружьем или пистолетом мог выступить крайне опасным противником для законного в латы рыцаря. Это-то обстоятельство и вызвало на первых порах особенно резко-отрицательное отношение дво-

рянства к огнестрельному оружию. Так например, вот что писалось о нем в царствование Франциска I известным военачальником того времени Монлюком: «... Я удивляюсь, однако, что провидению угодно было попустить изобретение этого злосчастного орудия. Я сам ношу на себе знаки оставленные им и видел многих храбрых и доблестных людей, убитых этим оружием, причем обыкновенно они падали пораженные пулями, пущенными трусливыми и низкими мерзавцами, которые никогда не решились бы встретиться с настоящими воинами в рукопашном бою лицом к лицу. Очевидно, что это одно из ухищрений, употребляемых дьяволом, чтобы побудить нас к убийству наших ближних».

Как бы то ни было, но очевидная практичность нового изобретения способствовала его внедрению и укреплению. Хотя на первых порах огнестрельное оружие употреблялось в виде тяжелых орудий и мортир, пригодных для осады крепостей и замков, но весьма неудобных для действия в поле, однако применение орудий и в таких военных операциях имело место и давало большое преимущество их обладателям. Так, известно, что битва при Креси (1346 г.) была выиграна англичанами главным образом вследствие того, что ими впервые в течение войны с французами были употреблены пушки, поставленные на холме и приведшие в смятение и ужас французов.

Не лишним считаем здесь указать, что в XIV в. и Россия шла на уровне тогдашних военных знаний. Так, в Голицынской летописи под 1389 г., то есть в последний год княжения Дмитрия Донского, мы имеем запись: «в лето 6897 вывезли из немец арматы на Русь и огненную стрельбу и от того часу уразумели из них стрелять». Впрочем, уже в 1382 г. при осаде Москвы Тохтамышем осажденные, по дошедшим свидетельствам, стреляли из Кремля из тюфяков (т. е. ружей) и пушек.

Накапливавшийся таким образом опыт в пользовании огнестрельным оружием привел повемногу к облегчению калибров и приданию легкости и удобства огнестрельному оружию, сделав его в полном смысле слова ручным. Мы не будем

в этом кратком очерке останавливаться подробно на эволюции типов этого оружия и перейдем прямо к XVI в., когда ручное огнестрельное оружие вошло уже во всеобщее употребление и внесенные в него усовершенствования дали стрелку возможность более точного прицела, а пробивная сила снаряда стала достигать почти полного развития.

Так как против метко выпущенной пули с близкого расстояния максимилиановская кираса не давала уже должной защиты, а желобчатая поверхность нагрудника и угловатый профиль забрала представляли напротив большую площадь поражения, ясно, что нужно было изменить принцип защиты, чтобы создать такой доспех, который, не являясь слишком обременительным, все же давал бы известную защиту против пули. И вот на протяжении всего XVI в. ведется борьба между доспехом и аркебузом, которая закончилась в XVII в. полным поражением доспеха, так как, сделавшись чрезмерно тяжелым и обременительным, он все же не давал действительной гарантии безопасности.

Посмотрим, как боролись доспехи с пробивной способностью пули. Прежде всего увеличилась толщина нагрудника и шлема, что же касается до формы, то они стали представлять целый ряд скользящих поверхностей, на которых пуля не могла бы зацепиться, а по возможности рикошетировала. Поэтому кираса получает ребро вдоль груди, иногда с остроконечным выступом в центре. Шлем также приобретает скользящий профиль с гладко полированными боковыми плоскостями. Наряду с этим, прикрытия ног и рук теряют свое значение и отступают на второй план. Ноги начинают прикрывать лишь до колен, а затем прикрытия это сводится к несколько удлиненным набедренникам. Руки прикрываются лишь короткими полурукавами, спускающимися до локтя. Понемногу и это прикрытия удаляется, и из всего доспеха остается лишь одна кираса, укороченная, лишенная набедренников и ожерелья, а голову прикрывает уже не шлем, а каска на случай рукопашной схватки, для отвода ударов.

Пробовали бороться с пулями усиливая толщину нагрудника путем навинчивания на него дополнительных пластин, испытанных предварительно выстрелом из мушкета, но это повело к такому обременительному утяжелению кирасы, что самый сильный человек не мог долго выносить ее тяжести и изнемогал не столько в борьбе с неприятелем, сколько в борьбе с весом своего доспеха. В качестве вспомогательной защиты употреблялись также круглые металлические щиты, так называемые рондаши, которыми снабжались передние шеренги бойцов, но и они по своей обременительности были вскоре оставлены и сохранились как парадное оружие, представлявшее удобную площадь для различного рода украшений, до живописи включительно.

Появившееся в начале XVI в. пехое войско из ландскнехтов, т. е. солдат-наемников, для которых военное искусство являлось лишь прибыльной профессией, вскоре приобрело всеобщее признание благодаря своей строгой военной дисциплине и боевой опытности. Доспех, бывший до того привилегией благородного сословия принимается и ландскнехтами, при чем он видоизменяется соответственно новым заданиям. Если до сих пор нешие отряды носили дешевое вооружение в виде бригадин и коррацинов, т. е. матерчатых кафтанов, у которых вместо подкладки были наклепаны металлические пластинки или же внутрь вшивался разный металлический лом, то в рядах ландскнехтов мы находим сплошной пластинчатый доспех облегченного типа. Закрытый шлем заменен легким открытым наголовьем — бургиньотом, ожерелье удлиняется, соответственно с чем укорачивается и тем облегчается нагрудник. К этому же времени относится и большое разнообразие в шлемах. Рядом с бургиньотом имеется морпюн, занесенный в Среднюю Европу войсками Карла V, и кабассе — наголовье копейщиков и аркебузирова, а некоторые легкоконные части получают видоизмененный восточный шлем с носовой стрелкой, носящий название шишака. Оружие пехотинца сводится к шпаге, аркебузу или мушкету и пике, причем по-

следняя играла роль частокола при встрече с конными атаками. В качестве парадного оружия у телохранителей остались сильно ослабленные вычурными прорезами и изгибами алебарды, глефы и прочее оружие на древках, потерявшее боевое значение.

Если до XVI в. главное внимание оружейника направлялось в сторону улучшения качества материала и большей целесообразности доспеха или оружия для боевой практики, то в XVI в. и отчасти в XVII в. мы находим склонность к чрезмерному украшению боевого оружия путем травления на нем полос с более или менее тонким орнаментом или же травления с позолотой, в подражание богатым парчевым тканям, и наконец, с развитием техники обработки металла, мы находим, особенно в Италии, мастерски выбитые в высоком рельефе украшения с золотой чеканкой. Конечно, такие доспехи носили характер исключительно парадного оружия, так как рельефный узор требовал сравнительно тонкого материала, мало пригодного для трудной боевой работы.

Все сказанное относится ко времени расцвета оружейного мастерства. С переходом выработки от одиночного мастера-художника к кустарным и заводским приемам, соответственно падает и художественная обработка металла. Доспех и оружие стали доступны не одному только высшему сословию, но и народной массе в лице регулярного и нерегулярного войска, пешего и конного. От оружия требуется лишь практичность и дешевизна, почему в XVII в. мы имеем самое простое, кустарно-выделанное оружие, где украшение из тонко травленного узора и золочения через огонь заменилось простым и грубым чернением или даже окраской металла с одной только целью — предохранить его от ржавчины и уничтожить блеск, сделав таким образом вооружение менее заметным на расстоянии. Если еще и встречается более тщательная работа на оружии военачальников и знатных особ, то все же и в этом случае прежняя артистическая работа исчезает, и прежние солидные золочения заменяют золотой лак или сусальное золото



на плоско и не художественно травленном рисунке. Главное же — единство замысла и исполнения, чем блистали произведения старых мастеров, в XVII в. и позднее уже не замечается, так как при разделении труда одна и та же вещь проходила через несколько рук и тем обезличивалась, теряя свою стильность. Вообще с половины XVII в. уже не приходится говорить об оружейном искусстве, а лишь об ремесле оружейника.

Окончив обзор боевого оружия, мы должны в дополнение сказать несколько слов об особой разновидности вооружения — о доспехе турнирном, игравшем не малую роль во всей Европе до половины XVI в., а в Германии еще и в начале XVII в.

Каждый род оружия требует известной специальной сноровки и навыка во владении им. Если и ныне, при усовершенствованных и механизированных приемах войны обучение солдата стоит на первом месте, то в те отдаленные времена, когда исход сражения зависел исключительно от личной силы и доблести, когда все сражение распадалось на целый ряд единичных рукопашных поединков, — само собой понятно, что абсолютное знание своего оружия и лучших способов действия им обеспечивало и верный успех и давало лучшую гарантию безопасности. Как для атлета и спортсмена наших дней тренировка на ловкость, силу и отчасти на нечувствительность к боли играет важную роль, так для закованного в тяжкий доспех, рубящего тяжелым мечом или колющего длинным тяжелым копьём рыцаря была необходима тренировка, подобная теперешней спортивной. Кроме того, мало было дожидаться случая, как бы многочисленны они не были в те времена, встретиться с врагом на бранном поле, чтобы испытать приобретенное умение владеть оружием. Нужно было и в мирное время создать такие условия, при которых возможно было бы проверить свою собственную силу и ловкость, одним словом необходимы были состязания для выявления всех качеств хорошего воина.

Как все проявления человеческого творчества, так и тур-

ниры или состязания, носили на себе отпечаток культурного уровня своей эпохи. Если на протяжении трех веков, до XV в., турниры представляли собою серьезный поединок между двумя или несколькими лицами, причем такой поединок велся на обычном боевом оружии и в боевой одежде, оканчиваясь зачастую смертью или тяжелым увечьем участников, то уже к XV в. с некоторым смягчением нравов изменяется и самый характер турнира, низводя поединок на степень простого соревнования в силе и ловкости. Несмотря на это, и в названную эпоху турниры нередко заканчивались увечьями при падении с коней и даже смертью, как напр. в турнире французского короля Генриха II с Габриелем де Лоржем, графом Монгомери, в 1559 году, когда король был смертельно ранен осколком копья, проникшим в глаз через неплотно застегнутый шлем.

Воспитывавшийся в рыцарской среде культ женщины, оказавший такое сильное влияние на смягчение нравов, с особой силой выявлялся в правилах и обычаях турнира времен расцвета рыцарства. Изложим здесь вкратце обычаи, связанные с турниром XV в., о которых мы узнаем из книги короля Рене Доброго «*Livre de Tournois*».

Здесь следует отметить, что на русском языке не имеется слова, которое соответствовало бы иностранной номенклатуре турниров, так как самый обычай этот был чужд России. Во французском и иных языках мы имеем два понятия: турнир — когда в нем принимало участие одновременно несколько рыцарей, партия на партию, и *joute*, — поединок, когда состязались один на один. В изложении мы будем говорить о турнире, подразумевая тот и другой случай безразлично.

О назначенном для турнира дне заблаговременно возвещалось при звуках труб, причем турниры устраивались большей частью по случаю возведения кого-либо в сан рыцаря, или по случаю свадьбы коронованных особ, или во время торжеств при въезде в город короля и т. п.

Выбор оружия для турнира изменялся сообразно времени

и стране. Во Франции копья изготовлялись из прямого и легкого дерева с острием хорошего закала и с флажком; в Германии они делались наоборот из самого крепкого и тяжелого дерева, с острием в виде груши.

Арена, на которой происходили состязания, имела вначале форму круга, как в цирке, затем уже стала удлиняться, принимая вид прямоугольника. Ограда раскрашивалась в разные цвета и украшалась тканями и коврами.

В то время как приготавливалась арена, участники турнира выставляли свои гербовые знамена и щиты из окон зданий, где они жили, а также на стенах церквей и монастырей. До назначенного дня турнира знать и дамы осматривали выставленные гербы участников турнира, причем им сопутствовал особый знаток гербов, герольд, и поименовывал рыцарей, гербы которых были выставлены. Если среди этих рыцарей находились лица, к которым дамы могли предъявить какое-либо порочащее обвинение, то они прикасались к гербу такого рыцаря, а затем уже судья турнира, после произведенного им следствия, лишал виновного права участия в турнире.

Накануне главного состязания происходили поединки между оруженосцами участников турнира на более легком и менее опасном оружии, чем у их рыцарей. На этих поединках, называвшихся «пробою» или «кануном турнира» зачастую присутствовали дамы. Наиболее отличившихся оруженосцев иногда в награду возводили в звание рыцаря, и они приобретали тем право участия на самом турнире.

В глубине арены устраивалась особо разукрашенная трибуна, где размещались король, королева, принцы, дамы и знатные девушки, а также престарелые рыцари — наиболее компетентные судьи турнира, в котором они уже не могли сами принимать участие.

Начальники поля и их свита имели свои особые места для того, чтобы наблюдать за соблюдением правил турнира и для подачи первой помощи. Повсюду сновали слуги для наведения порядка, замены сломавшегося оружия и пр.

Особая музыка возвещала о появлении рыцарей, великолепно одетых поверх блестящего вооружения, сидевших на медленно и важно выступавших конях; рыцарей сопровождали их оруженосцы. Иногда, на арену первыми выходили дамы или девушки, ведя на золотых цепях своих рыцарей-«рабов», которых они «освобождали» в момент подачи сигнала к началу состязания. Дамы давали также на счастье своим рыцарям шарфы, прикрепляемые на щит, шлем или на доспех, что давало возможность дамам не терять из вида своих избранников. Во время турнира всякий удачный удар копыя сопровождался криками поощрения и звуками фанфар.

В антрактах между состязаниями среди присутствовавшего народа распределялись деньги и разные подарки.

Самое состязание считалось законченным, если копые одного из противников преломлялось о нагрудник или шлем другого, причем последний, большей частью, силою удара выбивался из седла и или падал на землю, или же откидывался на круп коня. Как в том, так и в другом случае унавший считался побежденным.

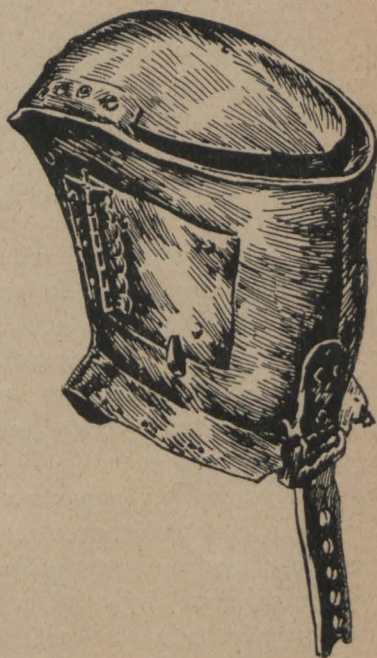
По окончании турнира присуждение наград наиболее отличившимся производилось в торжественной обстановке уже приобретенными славу рыцарями, а иногда и дамами. Последние же приводили рыцаря-победителя на пир, которым обыкновенно заканчивался каждый турнир. На нем победитель занимал лучшее место, он получал право поцелуя красивейших дам, в его честь слагались поэмы.

Как уже было сказано, обычаи турнира значительно зависели от эпохи и страны. Если на более изнеженном юге это были пышные праздники, подобно вышеописанному, то в более грубой и суровой Германии турниры носили более жестокий характер. Вполне соответствуя вкусам упорных и суровых северян, турниры продержались здесь гораздо дольше и еще в XVII в. в виде каруселей устраивались при дворах германских владетельных принцев. Там же мы находим и большее разнообразие в формах состязаний, которые иногда

в смягченных формах распространялись и в других странах. Назовем здесь некоторые разновидности конных турниров.

1) Турнир через барьер — *alla pallia*. Мода на этот род состязаний, как показывает название, пришла из Италии, но он особенно укоренился в Германии. Сущность его заключалась в том, что противников разделял барьер из сплошного ряда досок, вышиною до шеи лошади. Состязающиеся скакали вдоль барьера навстречу друг другу, нанося удар копыем в левую сторону шлема или нагрудника. Одной из выгод такого турнира было то, что в случае падения с лошади рыцарь не мог быть растоптан копытами лошади противника, что избавляло от переломов и увечий.

2) Немецкий турнир — *das deutsche Stechen*. При нем барьер не применялся и противники были вооружены копыями с острием в виде зубчатой коронки. Защита ног отсутствовала, ноги были закрыты толстыми стегаными башмаками или особыми стременами в виде металлического сапога. Глаза лошади были закрыты особым капюшоном, соединившимся с длинной попоной. Благодаря этому лошадь не пугалась при приближении противника и, таким образом, удар получался сильнее и вернее. Для этого турнира, целью которого было выбить противника из седла, употреблялись специальные весьма массивные доспехи, со шлемом в виде



5. Турнирный шлем XV века.

«жабьей» головы (рис. 5) и седло без задней луки, для более удобного выбивания из седла.

3) Турнир на отточенном оружии. Этот род турнира, конечно был наиболее опасным, но в виду этого доспехи отличались большей плотностью и всадник был закован в доспех с ног до головы, с дополнительными пластинами, усиливающими грудь и шлем.

4) Турнир на дубинках. В этом случае противники бились не копыями, а особого рода короткими дубинками. Для этого турнира надевался шлем, закрытый спереди родом решетки, что позволяло лучше следить за движениями соперника.

5) Турнир, на котором главной задачей являлось наметить удар копыя в определенную точку на кирасе, где помещался механизм, под действием которого весь доспех, или же часть его, разделялся и летел на воздух. Чей доспех был таким образом снят, тот и считался побежденным.

Кроме этих главных видов, существовала еще целая серия разновидностей. К сожалению, сведения о них крайне недостаточны и сбивчивы, что не дает возможности с исчерывающей полнотой описать все существовавшие до XVII в. военные состязания.

На всех этих турнирах как всадники, так и их кони, были одеты в роскошные костюмы и покрывала, расшитые шелками или разрисованные красками и золотом. Основой такой расцветки служили цвета герба рыцаря, его эмблематические изображения, инициалы дамы сердца и разнообразные девизы, среди которых встречаются некоторые, способные поразить своей жизненностью в наши дни, как девиз, вышитый в XV в. на покрывале коня Филиппа де-Коммина (знаменитого французского летописца и государственного деятеля, умершего в 1509 г.) — *Qui non laborat non manducet* «Кто не работает тот не ест», хотя, конечно, девиз этот по существу имел мало общего с той мыслью, которая влагается в лозунг нашего времени.





6. Лукканский салат XV века.

## ПУТЕВОДИТЕЛЬ.

Обзор выставки следует начинать с правой от входа стороны, где находятся наиболее ранние доспехи и оружие.

У колонн стоят два готических доспеха — ближайший к двери — конца XV в., второй, сборный, — начала XVI в. Между ними в простенке колонн трофей, составленный из алебард начала XVI в., тарча с гербом города Дегендорфа конца XV в., кольчуги с меткой «Zu Nuereenberg» XV в., трех кончаров или мечей, удобных для пронизывания кольчуг в пролетах между пластинами доспеха — конца XV и начала XVI в. и шестоперов и пернатов — служивших вначале для раздробления доспеха и нанесения оглушающих ударов, с течением же времени утративших свой боевой характер и служивших знаками командного достоинства.

С внутренней стороны колонн размещены щиты с образцами мечей, обнаруженных раскопками, среди которых имеются экземпляры от XI до XV вв.

Большой трофей I. Оружие с конца XV в. до середины XVI в. Среди него обращают внимание — в центре поставленной щит или павеза XV в., служившая защитой для стрелка



из арбалета на время, пока он должен был натягивать тугую тетиву своего оружия. Такой щит носился специальным помощником стрелка и ставился перед ним с помощью кола воткнутого в землю. По сторонам павезы два арбалета — один самый сильный, тетива которого натягивалась с помощью системы блоков, другой более легкий, швейцарской работы, натягивавшийся с помощью коловорота, надетого на арбалет. Среди холодного оружия можно указать на Е.494 — алебарду XVI в., Е.455 — кузу с девизом императора Максимилиана I и годом 1567, Е.468 — рунку XVI в., Е.151 — боевую вилу с именем города Лукки, В.583 — меч ландкнехта тирольской работы, Е.302 — фриульское копьё и др.

По обе стороны этого трофея укреплены павезы с фигурами щитодержателей из герба гор. Дегендорфа, а над щитами размещено так называемое крестьянское оружие, употреблявшееся во время крестьянских восстаний в Германии и Франции.

В углу помещен максимилиановский доспех начала XVI в.

Трофеей II. Оружие по преимуществу середины XVI в. Среди него укажем В.248 — двуручный меч XVI в.; такие мечи употреблялись в отряд ландкнехтов для прокладывания пути среди длинных копей неприятеля, для защиты знамени и для сбивания штурмовых лестниц при осадах городов. В.398 — меч XVI в., В.649 — рыцарский меч в «полторы руки» (т. е. для усиления удара можно было брать за рукоять и левой рукой), В.523 — парадная шпага конца XVI в. и пр.

У следующих колонн стоят два максимилиановские доспеха начала XVI в. Между ними трофеей из такого же полудоспеха, алебард, шпаг и нагрудника конца XV в. от итальянского турнирного доспеха.

В амбразуре окна стойка со щитами XV — XVI вв.; среди них укажем на Н.95 — павеза времен Гусситских войн с изображением св. Вацлава, герцога Богемского; под изображением молитва на чешском языке; Н.17 — тарч для всадника,

так называемый венгерский, для «гусарских» турниров XVI в.; Н.122 — рондаш золоченой меди чеканной работы, по всей вероятности аугсбургского мастера Кольмана; Н.125 — рондаш с выпуклым изображением подвигов Геркулеса; Н.11 — рондаш XVI в., по койме монограммы французского короля Генриха II и Дианы Пуатье; Н.54 — рондаш XVI в. чеканной работы с изображением Марса и аллегорических фигур Благоразумия, Храбрости, Славы и Зависти (по преданию щит принадлежал Козьме Медичи).

Следующие два доспеха J.221 и J.222 по преданию принадлежали эрцгерцогу Карлу Штирийскому (1540—1590). Между доспехами трофеей из максимилиановского полудоспеха, алебард, двуручных мечей и нагрудника от готического доспеха

В окне витрина с образцами кинжалов XVI в. и XVII в.

Весь следующий ряд доспехов вдоль колонн до J.523 состоит из различных типов максимилиановского доспеха, с начала его появления и до исчезновения.

В простенках колонн двуручные мечи по преимуществу немецкой работы и шпаги, среди которых укажем на В.165 — шпагу с подвижной рукоятью, так называемой *à coulisse*. Выдвинув рукоять, можно было пользоваться шпагой как двуручным мечом.

У следующего окна помещена стойка со шлемами, где имеются экземпляры от VIII до XVI вв. Обратим внимание на: J.410 — бургундский шлем с клювом, изготовленный около 1525 г.; J.441 и J.412 — шлемы первой половины XVI в. с так называемыми «чертовскими» личинами; J.230 — турнирный шлем конца XV в. работы миланского мастера Миссалья; J.615 — салат, принадлежавший Геркулесу Бентивольо (1459—1507), работы того же мастера Миссалья; Б.341 — салат XV в., так называемый лукканский; Б.345 — шлем XIV в. называемый «Gugel»; S.80 — лукканский салат конца XV в. с надписью: «Domine mei memento» (рис. 6).

Витрина, где размещены образцы рыцарских кинжалов XIV—XVII вв.

Стойка со шлемами середины XVI в. Здесь нужно обратить внимание на J.343 — бургиньот чеканной работы, происходящий из Мадридского арсенала; J.362 — бургиньот Гвидобальдо II, герцога Урбинского, работы флорентинского мастера Ригио около 1555 г.; J.334 — бургиньот, сходный по работе с предыдущим, но с каррикатурными изображениями, по всей вероятности принадлежавший шуту герцога; B.407 — парадный открытый бургиньот повидимому работы братьев Нигроли в Милане; J.263 — бургиньот с изображением Нептуна, по всей вероятности работы мастера Серабальо из Милана (1565 г.).

Витрина с образцами различных стремлян, лошадиных намордников и мундштуков, начиная с XIV в. и до XVII в.

Начиная с полудоспеха J.419 — работы славного аугсбургского мастера Пейффенгаузера (помещен поверх небольшого трофея из оружия XVI и XVII вв.), идет далее вокруг залы ряд доспехов середины XVI в., конца его и начала XVII в. В этих образцах с особенной наглядностью проходит вся история доспеха до момента его исчезновения. Вначале еще довольно легкий, но более непроницаемый для пули чем максимилановский доспех, он начинает изменяться в двух направлениях — или утяжеляясь, и тем доходя до нелепости, или наоборот облегчаясь, и тем также теряя свое боевое назначение.

И то и другое течение представлено в последующих рядах доспехов, заканчивающихся фигурой рейтера 1700 г.

Стойка с мечами ландскнехтов XVI и XVII вв.

J.523 — ландскнехтский доспех нюрнбергского мастера Валентина Зибенбюргера, принадлежавший эрцгерцогу Карлу Штирийскому; рядом с ним полудоспех того же образца, но не имеющий ножного прикрытия.

Трофей III. Среди оружия конца XVI в. и начала XVII в. помещенного на этом трофее обратим внимание на B.628 — шпага XVII в., работы известного зольингенского мастера Мевеса Бернса; E.113 — кевец, т. е. орудие для пробивания

доспеха, с молотом в виде пернача; Q.320 — вооруженный посох, так называемый brandistocco начала XVII в., употреблявшийся путниками для защиты от внезапных нападений в дороге; E.209 — клевец XVI в., в рукоять которого ввинчен стилет; G.148 — шестопер с колесным пистолетом начала XVII в.; E.210 — боевой молот с фитильным пистолетом конца XVI в.; F.279 — палица конца XVI в., называвшаяся в народе «кропилом», с 4 стволами и фитильным запалом; B.390 — шпага XVII в. работы золингенского мастера Петра Вундеса.

В углу J.481 — доспех середины XVI в., работы аугсбургского мастера Пешфенгаузера.

Трофеей IV. Среди оружия конца XVI в. и начала XVII в. обозначим: E.456 — наконечник кузы с инициалами императора Иосифа I (1678 — 1711) с годом 1694; B.484 — шпага с прорезным клинком, работа рукояти которой долгое время но без должного основания, приписывалась Бенвенуто Челлини; G.107 — колесный пистолет с клеймом города Зуля и с датой, 1602 год; F.394 — ружье с крюком под ложем для уменьшения силы отдачи, меченое знаком гор. Регенсбурга.

В углу доспех J.434 — с изображением пророка Даниила, принадлежал повидимому полковнику Даниилу фон Ранцау, павшему при осаде Варберга в Голландии в Семилетнюю войну.

Трофеей V. Из оружия, размещенного на этом трофее и относящегося по преимуществу к XVII в. отметим: H.48 — плечевое прикрытое для турнира, аугсбургской работы около 1587 г.; H.98 и H.115 — круглые щиты с наручем — как и тот, так и другой приспособлены для ловли клинков: при некоторой ловкости можно было задержать клинок противника на несколько секунд и пользуясь этим нанести удар; G.118 — пистолет работы мастера Гзелля в Аугсбурге в 1652 г.

J.480 — доспех XVI в. с облегченным поясным прикрытием и кольчужными сапогами, нюрнбергской работы; J.548 — турнирный доспех конца XVI в.

Стойка со щитами. Н.35 — стальной чеканный рондаш с изображением Фортуны и гербами Barberini и Colonna; Н.92 — рондаш чеканной работы с изображением победы Саула над аммонитянами; Н.181 — рондаш чеканный с изображением битвы рыцарей ордена св. Иакова с мусульманами; Н.161 — деревянный щит обитый тисненой кожей с изображением трех воинов и гербом Гислиери.

Ј.78 — доспех второй половины XVI в. саксонской работы со сценами из священного писания; Н.8 — щит к полудоспеху между колоннами XVI в. миланской работы; Ј.469 — боевой доспех XVI в., шлем с тройным прикрытием лица инсбрукской работы быть может мастера Зейзенгофера.

Витрина с лошадиными наголовниками и седельными луками XVI в.

Ј.470 — доспех половины XVI в. с нюрнбергским контрольным знаком, работы мастера Зибенбюргера; Ј.316 — доспех конца XVI в.

Стойка со шлемами. Здесь наиболее интересны: Ј.544 — наголовье стрелка с нарисованным львом св. Марка; Ј.432 — закрытый бургиньот XVI в.

Ј.81 и Ј.82 — закрытые шлемы второй половины XVI в. — аугсбургской работы мастера Фрауенпрейса; Ј.479 — бургиньот; Ј.542 — шлем для турнира на тупых мечах и на палицах, представляющий подражание античному шлему.

Под стойкой Н.135 — рондаш со львом св. Марка и гербом дожа Барбариго; Н.103 — щит полированной стали с гербом рода Спинола.

Ј.79 — турнирный доспех нюрнбергской работы, конца XVI века; Ј.11 — доспех конца XVI в., приписывавшийся Валленштейну.

Витрина с нагрудными пластинами, носившимися поверх платья, как знак достоинства, и выродившимися впоследствии в офицерские нагрудные знаки «рингкрагены» (рис. на стр. 42).

Между колонн вверху два маленьких доспеха, служивших по всей вероятности вывеской оружейника.

Стойка со шлемами конца XVI в. и XVII в. когда понемногу работа утрачивает свой артистический характер и превращается в обыкновенное ремесленное и кустарное производство. Из выставленных образцов заслуживают особого внимания: J. 443 — бургиньот от вооружения аугсбургского патриция Фуггера, превосходной аугсбургской работы с воронением фиолетового отлива; J. 406 — траншейный шлем XVII в., употреблявшийся в осадной войне; J. 36 — железная шапка времени тридцатилетней войны; J. 502 — тишак легкой кавалерии, работы аугсбургского мастера XVII в. Ринглера.

Витрина с колесными и ударными пистолетами XVI и XVII вв.

Стойка со шпагами XVI и XVII вв.; среди них укажем на: В. 45 — шпага середины XVI в., по преданию приписывалась Карлу Смелому; В. 507 — шпага XVII в. миланской работы; В. 133 — шпага, приписывается маркизу Дель-Васто, сподвижнику Франциска I; В. 9 — шпага работы толедского мастера Жуана Мартинеса; В. 293 — работа толедского мастера Педро де Вельмонте; В. 316 — работа зольингенского мастера В. Теше; В. 64 — охотничья шпага с пистолетом аугсбургской работы; В. 292 — работа зольингенского мастера Вирсберга; В. 658 — работа зольингенского мастера Иоганна Вундеса.

Трофей VI. — Здесь расположены по преимуществу дуэльные и городские шпаги конца XVI и XVII вв. с принадлежностями поединков того времени — кинжалами, которыми вооружалась левая рука для отвода шпажных ударов и ручными щитами, так называемыми «кулачными» щитами для той же цели — отвода удара и задержки клинка противника.

В узких простенках расположены ружья XVI и XVII вв. с подсошкой, на которую упирал ствол ружья для более легкого и верного прицела и с перевязями для ношения кожаных футляров, в которое заранее насышалось нужное количество пороха для заряда.

Трофей VII. Состоит из шпаг и рапир XVII в. и придворных и городских шпаг XVIII в., когда это оружие из бое-

вого выродилось в принадлежность костюма дворянского сословия, причем обращалось внимание лишь на изящную внешность и легкость шпаги, а не на пригодность к боевой службе. В центре трофея щит для ловли клинков при поединке. Среди оружия обращают внимание топорики, соединенные с пистолетами, — назначение их не боевое, это лишь знак командного достоинства, — а также два пистолета, на дулах которых укреплены топоры; такие пистолеты продержались с половины XVI в. до XVII в., несмотря на свою непрактичность и малую пригодность для серьезного боя.

Ж. 418 — полудоспех второй половины XVI в., «рак», называемый так вследствие составляющих его пластин, напоминающих хвост рака; вес его 85 ф.

Ж. 14 — полудоспех времен 30-летней войны, весом в 95 ф. Доспех этот представляет образец того, к чему привело желание создать непробиваемый пулею доспех. На усиленном нагруднике имеется вмятина от пули, так как до выпуска в продажу доспехи этого рода испытывались на непроницаемость пробным выстрелом из мушкета с расстояния около 100 шагов. Если пуля оставляла след, подобный находящемуся на доспехе, то он считался пригодным для боевых целей.

В центре залы расположена кавалькада рыцарей, одетых в турнирные доспехи. Передовой всадник вооружен для так называемого немецкого турнира, причем доспех этот изготовлен в конце XV в. За ним попарно расположены всадники в турнирных вооружениях XVI в., снабженных различными дополнительными пластинами, защищающими левую сторону груди, шлема и левую руку; так как удар приходился в левую сторону противника, на защиту ее обращалось особое внимание.

По сторонам кавалькады находятся шкафы, в которых помещены следующие предметы, начиная с правой стороны.

Шкаф I — пистолеты XVII в., в большинстве работа известного гардонского мастера Лазариво Коминаццо. На зад-

ней стенке шкафа: шлем, наруч с рукавицей и щит вороненой стали с золотой насечкой; на всех предметах геральдическая эмблема: семиглавая гидра с девизом *Utrumque*. На шкафу: Н. 81 — небольшой щит обтянутый тисненой кожей с изображением Андромеды и Персея.

Далее находится пушка S. 5 — XV в., по преданию отбитая у бургундского герцога Карла Смелого в битве при Грансоне в 1476 г.

Шкаф II. — На нем размещены мечи правосудия, которыми отрубались головы преступников из среды знати, и орудия пытки, как-то зажимы для пальцев, наручники, ошейники и так называемые голодные маски; будучи надеты на преступника они не давали ему возможности ни есть, ни пить.

В шкафу два щита, расписанные кистью художника Федерико Цуккаро, умершего около 1609 г.; сюжет аллегорического содержания — преимущество находчивости перед грубой силой: молодой воин тщетно старается вырвать хвост у лошади, в то время как старик выдергивает по одному волоску и достигает цели без усилия.

Шкаф III. — В нем деревянный обтянутый кожей щит с лентным изображением св. Георгия, патрона города Генуи. По преданию этот щит был снят с генуэзской адмиральской галеры, взятой в морском сражении при Кюлдже в 1380 г. и был поднесен дожу Андрею Контарини, одержавшему эту победу.

Внизу раскрашенный художником Цуккаро щит с сюжетом из легенды о папе Сильвестре I, воскресившем во время спора с иудеями быка, пораженного на смерть словом одного из раввинов.

На задней стенке шкафа: J. 244 — парадный бургиньот XVI в., долгое время приписывавшийся Баяру (рис. 1), «Рыцарю без страха и упрека»; Н. 53 — рондаш с изображением сцены испытания весталки Тусции, принесшей воду в решете в доказательство своей невинности; по характеру работы может быть приписан мастерской миланского оружей-



ника Пиччино, что подтверждается инициалами М. Р., врезанными в углу поля; В. 422 — кинжал для левой руки, принадлежавший нюрнбергскому роду Риттер.

Пушка S. 6 — исхода XVII в. с подписью мастера, работа Франциска де Мацароли.

Шкаф IV. На стенке: J. 400 — бургиньот XVII в. чеканной работы с серебряной и золотой насечкой; Б. 419 — нагрудник чеканной работы с золотой насечкой, по всей вероятности принадлежавший к доспехам работы Люция Пиччино, работавшего во второй половине XVI в.; J. 433 — наруч вороненой стали с резными и золочеными полосами, принадлежит к доспеху, подаренному королю испанскому Филиппу II графом de Nieva. В шкафу шпаги XVIII в.

Перед тронным местом стоит mortar с рельефными изображениями сюжета из Энеиды, работа конца XVII в.

